

Цю Ибо искренне находил ситуацию забавной. Вчера он только что подавал милостыню маленькому нищему и прекрасно помнил его облик – изможденное тело, лохмотья, голодные, почти звериные глаза. Нынешний проситель внешне чем-то напоминал того ребенка, но разница была очевидна.

Разве мог ребенок, у которого есть здоровый старший брат – да еще такой, что после пятидесяти ударов палками способен вскочить и напасть, – дойти до состояния «кожа да кости»?

Сам занимаясь торговлей, Цю Ибо отлично понимал цену крепкого работника. Если в семье нет тяжелобольных, требующих дорогих лекарств вроде женьшеня, или тех, кто проматывает состояние на вино, азартные игры и опиум, один трудоспособный мужчина мог прокормить пятерых. Пусть не мясом каждый день, но голодать им бы не пришлось.

Даже если бы этот человек был совершенно бездарен и умел лишь грубо работать, разве допустил бы он, чтобы младший брат оказался в таком состоянии? Допустим, он ленив, эгоистичен и черств, тратит заработанное только на себя, а брат пусть хоть замерзнет или умрет с голоду. Но тогда почему, после смерти брата, он вдруг рискует жизнью, чтобы обвинить высокопоставленного чиновника с мощными связями, у которого дома хранятся императорские охранные грамоты?

Разве здесь есть логическая связь?

Неужели это настолько нелепый случай, будто он – старший брат «подмененного наследника», который, проделав долгий путь, как раз успел увидеть, как Цю Ибо дает его брату отравленный ломоть хлеба?

Даже если допустить, что этот человек действительно пришел мстить за брата, почему Цю Ибо должен терпеть пощечины и еще вежливо уговаривать обидчика? Почему? Потому что он, по доброте душевной, отдал голодающему нищему купленные, но не тронутые им лепешки? Значит, он заслужил такое обращение?

«Если ты не сбил старика, зачем помогал ему?» – так что ли? Если он не хотел травить нищего, зачем тогда подавал милостыню?

Если бы у него было столько терпения, зачем ему духовное совершенствование? Лучше уж постричься в монахи и стать бодхисаттвой, спасающим живых существ – это куда проще, чем достичь бессмертия.

Хотя, конечно, Цю Ибо ударил его не за это.

Удар был за то, что в зале суда, где все должны вести себя подобающе, предъявлять доказательства и аргументы, этот человек внезапно бросился в атаку. Кого еще наказывать, как не его?

Если бы он действительно считал Цю Ибо убийцей брата, ненавидел его до глубины души и был готов на все, зная, что в суде правды не добиться, то мог бы подкараулить его у дверей суда и попытаться убить. Зачем тогда вообще идти на разбирательство?

В таком случае Цю Ибо даже проникся бы к нему уважением.

Но раз уж дело дошло до суда, значит, нужно соблюдать его правила. Пощечины были вполне оправданы. Если бы Цю Ибо не вмешался, стражи могли бы забить его до смерти на месте, и

никто не посмел бы осудить их – даже сам император. Если бы он проигнорировал этот инцидент, какой тогда был бы смысл в законах и порядке? Он, конечно, не занимался этим профессионально, но не мог же он подставить коллег, которые добросовестно выполняли свою работу.

Лу Фэй оказался крепким малым – даже после нескольких ударов он не кричал, лишь яростно смотрел на Цю Ибо. Секретарь, наблюдавший за экзекуцией, вскоре подал знак остановиться и поклонился:

- Ваша честь, если его забить до смерти, это может быть расценено как злоупотребление властью.

- Это не я приказал его убивать, – равнодушно ответил Цю Ибо. – Когда остановиться, зависит от него, а не от меня.

Секретарь внутренне согласился. Он жестом дал понять стражам ослабить удары – чтобы не убить, но оставлять болезненные отметины в безопасных местах. В искусстве пыток они были мастерами. Вскоре Лу Фэй не выдержал и закричал:

- Сознаюсь! Сознаюсь! Хватит! А-а-а!

Цю Ибо поднял руку, и экзекуция прекратилась. Лу Фэй потащили в центр зала. Все ждали его показаний, но внезапно он с силой выплюнул кровь, забрызгав пол. Один из стражников получил порцию в лицо. Лу Фэй усмехнулся:

- Хотели выбить признание пытками? Не дождетесь!

Цю Ибо оставался невозмутимым:

- Тебя били за неуважение к суду...

Не успел он закончить, как из-за спины вышел чиновник в фиолетовом халате – помощник судьи Дафысы. Тот взмахнул рукой, освобождая присутствующих от поклонов, и спросил:

- Господин Цю, мне доложили, что вас обвиняют в отравлении нищего. Это так?

Цю Ибо кивнул:

- Именно этот человек подал на меня жалобу.

Помощник судьи, обычно добродушный, взглянул на окровавленного Лу Фэй и покачал головой:

- Зачем так жестоко?

Секретарь поспешил объяснить:

- Господин Юй, вы не видели, как этот негодяй бросился на господина Цю, когда тот спросил о доказательствах. Его схватили и дали двадцать пощечин для острастки.

- Понятно, – помощник судьи не увидел здесь нарушений. – Господин Цю, вам не стоит заниматься этим делом. Позвольте мне.

- Благодарю за помощь, – Цю Ибо уступил место и непринужденно прошел в центр зала, где

для него уже приготовили кресло.

Помощник судьи просмотрел записи секретаря и стукнул деревянной колотушкой:

- Ты утверждаешь, что господин Цю отравил твоего младшего брата. Есть ли у тебя доказательства или свидетели?

Лу Фэй стиснул зубы:

- Нет. Но многие видели, как этот собачий чиновник дал моему брату лепешки!

- Хорошо. Господин Цю, подтверждаете?

Цю Ибо сложил руки:

- Да. Вчера после службы я прогуливался по Восточной Второй улице, купил две жареные лепешки, но они мне не понравились, и я отдал остатки нищему.

Помощник судьи кивнул:

- Где именно вы купили эти лепешки?

- У уличного торговца на Восточной Второй.

- Приведите этого торговца, - распорядился помощник судьи.

Стражи бросились выполнять приказ. На это требовалось время, поэтому помощник судьи приказал:

- Отведите Лу Фэя перевязать раны.

Тот сопротивлялся, но помощник судьи оставался непреклонным. Стражи силой потащили его, а когда он попытался заговорить, заткнули ему рот тряпкой.

Когда Лу Фэя унесли, помощник судьи сказал:

- Господин Цю, вы недавно в должности и не имеете опыта в судебных делах. Сегодня понаблюдайте, как ведутся разбирательства, чтобы в будущем понимать.

- Благодарю за наставления, - вежливо ответил Цю Ибо.

- Этот негодяй явно подготовился, - продолжил помощник судьи. - Вы попали в ловушку. Пока есть время, пошлите своих людей разузнать подробности. Дафысы - место спокойное, но это не значит, что мы позволим собой помыкать!

В этот момент вбежал запыхавшийся стражник:

- Ваша честь! Беда! Этот негодяй покончил с собой!

Лицо помощника судьи потемнело. Не раздумывая, он вынес вердикт:

- Если покончил с собой, значит, признал вину. Оформите как «клевета на чиновника и самоубийство из-за угрызений совести». Пусть подпишет признание, и дело закрыто.

Цю Ибо слегка нахмурился:

- Господин Юй, разве это...

Помощник судьи дружески хлопнул его по плечу:

- Племянник, понимаю твои сомнения. Но тебе не стоит вмешиваться. Если есть вопросы, спроси у своего дяди.

- Нет, - Цю Ибо поправил его. - Я хотел сказать, что это не совсем продумано. Почему бы не оставить «Лу Фэя» в живых на время? Наверняка найдется тот, кто с ним свяжется.

Помощник судьи замер, пристально глядя на молодого человека. Первый в истории обладатель «шести высших степеней», чиновник седьмого ранга - его строгий халат цвета камня подчеркивал благородство, но в глазах читалось что-то неукротимое, едва сдерживаемое.

- О? - промолвил помощник судьи. - Но он уже мертв.

- У меня есть способ. Попрошу лишь помочь скрыть это.

- Легко. Можешь не волноваться.

К вечеру избитого «Лу Фэя» перевели в Интяньфу под предлогом наказания за клевету - семь дней заключения для острастки.

Цю Ибо нашел телохранителя, похожего на Лу Фэя, и изменил его внешность. Семь дней давали время изучить поведение настоящего Лу Фэя. К тому же, после сурового наказания месяц постельного режима выглядел естественно.

Цю Ибо отправился в резиденцию Цю Ланьхэ. Стоя у ворот, он ощутил странное чувство узнавания. Он почти боялся переступить порог.

Переехав из дома Цю Ланьхэ, он дистанцировался от центра власти. Как мелкий чиновник седьмого ранга, он не представлял особого интереса. Нападение на него могло быть началом охоты на Цю Ланьхэ или разведкой боем. Формально он был членом боковой ветви семьи - в худшем случае его разжалуют или лишат чина, вернув в статус простолюдина.

Боковая ветвь, пусть и из могущественного клана Цю, не стоила серьезного конфликта. Все понимали, на кого нацелен удар. Это могло посеять раздор между Цю Ланьхэ и семьей, проверить их реакцию, а заодно убрать потенциального наследника политического влияния Цю Ланьхэ. Просто, грубо, но эффективно.

Цю Ибо знал, что даже без его участия Цю Ланьхэ узнает о случившемся и разберется. Но он... хотел войти.

Боялся.

Не мог объяснить почему, но боялся увидеть Цю Ланьхэ или любого из семьи. Не хотел ни с кем встречаться.

Внезапно чья-то рука легла ему на плечо. Цю Ибо вздрогнул - он даже не заметил, как кто-то подошел!

- Что стоишь у ворот? Ждешь, чтобы я лично вышел тебя встретить? - послышался голос Цю Ланьхэ.

Цю Ибо обернулся и улыбнулся. Цю Ланьхэ сжал его плечо:

- Всего месяц-другой не виделась, а ты уже какой-то потрепанный. Кто-то тебя обидел?
- Нет, спасибо за заботу, дядя. - Цю Ибо слегка отстранился.

Цю Ланьхэ рассмеялся и обнял его, ведя внутрь:

- Что это вдруг «дядя»? Чем я тебя обидел? Из-за сегодняшнего?

Цю Ланьхэ давно не опускался до того, чтобы так ублажать кого-то. В последний раз он так искренне утешал разве что маленького Цю Ибо. С другими он бы даже не стал тратить время.

Не имея собственных детей, Цю Ланьхэ считал, что вся его отцовская любовь досталась Цю Ибо. Тот в детстве был серьезным и сдержанным, но повзрослев, из-за непонятого «испытания» стал нерешительным.

Если бы можно было принять испытание на себя, Цю Ланьхэ без колебаний сделал бы это, лишь бы избавить Цю Ибо от мук выбора.

Переступив порог, Цю Ибо невольно выдохнул. Цю Ланьхэ провел его в кабинет, где уже собрались советники. Увидев Цю Ибо, они встали и поклонились:

- Молодой господин вернулся!
- Наконец-то! Без вас как-то пусто!
- Ваш план был великолепен! Настоящая «рыбалка Жэнь Шана» - рыба сама прыгает в сеть!

Цю Ибо напряженно сел и пробормотал:

- Не стоит церемоний.

Вэнь Жун и Мянхэ тоже заняли свои места. Цю Ланьхэ сел, и ему подали досье с подробным описанием утренних событий и выводами советников.

Цю Ланьхэ, только вернувшись из дворца, уже знал о происшествии. Пробежав глазами документ, он похвалил:

- А По справился отлично.

Цю Ибо открыл рот, колеблясь. На мгновение ему не хотелось говорить, но он все же произнес:

- Думаю, это не конец. Нужно быть настороже.
- Верно, - Цю Ланьхэ швырнул досье на стол. - Какой-то нищий и хулиган угрожают твоей карьере? Слишком примитивно. Они не настолько глупы - значит, будет продолжение.

С момента, как Цю Ланьхэ узнал о случившемся, прошло меньше часа, а у него уже было полное досье на Лу Фэя. Он протянул Цю Ибо бумагу.

Лу Фэй, он же Лу Люцзы, был уроженцем Яньцина, профессиональным хулиганом, работавшим вышибалой в игорном доме.

Проблема в том, что он был единственным ребенком в семье, где даже девочек не было. Его мать – купленная в детстве невеста из другого города, родственников не имела. Лу Люцзы не был женат. Откуда тогда взялся младший брат?

Тело нищего нашли. Врач подтвердил: смерть от аконита. В желудке – только лепешки от Цю Ибо да немного кореньев. Проверка серебром показала яд.

Это было не в их пользу.

Цю Ланьхэ заметил несостыковку, но не стал обсуждать ее при всех. Вэнь Жун предложил:

- Господин, будьте осторожны. В последнее время молодой господин редко выходил один, только вчера после службы. Заговор настолько груб, что видно – они торопятся.

- Хорошо, – Цю Ланьхэ поднял руку. – Благодарю вас за труды.

Советники заулыбались:

- Что за благодарности? Мы старики, нам только и радости, что помогать вам.

- А как же встреча с друзьями?

- Ах, его виноградник снова пострадал, жена в отчаянии – ему не до прогулок.

Все рассмеялись.

Когда советники разошлись, в кабинете остались только Цю Ланьхэ и Цю Ибо. Тот взял с подноса пирожное из маша, но, вспомнив, что не чувствует вкуса, хотел положить обратно. Однако, откусив кусочек, он ощутил аромат маша и муки.

- Это пирожное прекрасно, – удивился он.

Странно. Последние дни он не чувствовал вкуса еды – почему сегодня все изменилось?

Цю Ланьхэ, видя, как он с чаем уплетает второе пирожное, спросил:

- Нищий съел лепешку сразу?

- А как же? – ответил Цю Ибо. – Рядом были другие нищие. Если бы он не съел сразу, не досталось бы.

Значит, лепешки действительно были отравлены аконитом. Цю Ибо тоже ел... Значит, цель была убить его.

Взгляд Цю Ланьхэ потемнел. Увидев, как Цю Ибо набивает щеки пирожными, он вздохнул:

- В следующий раз будь осторожнее. Лепешки были отравлены, а ты съел и не пострадал – это вызовет подозрения.

Неужели с возрастом он стал глупее?

- Какие подозрения? – Цю Ибо взял третье пирожное. – Разве что у меня есть какое-то снадобье или талисман?

- Возможно, - безучастно согласился Цю Ланьхэ. - Если так, то это не проблема.

Цю Ибо наслаждался вкусом, прикрыв глаза:

- Но они действительно торопятся... Дядя Ланьхэ, носи с собой пилюли из женьшеня и руаньдань. На случай, если загнанный в угол зверь прыгнет.

- Хорошо. Остайся у меня на несколько дней. Раз уж пришел, неужто я тебя не прокормлю? Дома тебе все равно нечем заняться - поможешь мне с планами.

Цю Ибо подумал. Раз уж пришел, почему бы не задержаться? Он тихо согласился, почувствовав неожиданное облегчение.

Хотя Цю Ланьхэ и Цю Ибо ожидали новых атак, следующие дни прошли спокойно. Цю Ланьхэ улыбнулся и потрепал его по щеке:

- Дорогой Бо'Эр, дела при дворе - не уличная драка. Если у меня есть враг, я не обязательно бросаюсь на него с мечом сразу. Два дня - не слишком быстро, десять лет - не слишком медленно. Наберись терпения.

Цю Ибо потрогал щеку:

- Говорите спокойно, дядя Ланьхэ, зачем руки распускать?

- Ты выглядел угрюмым. - Лицо Цю Ланьхэ стало серьезным. - Может, найдешь другой выход? Ты в последние дни какой-то подавленный. Попробуй охоту, верховую езду или... посещение цветочных кварталов. Говорят, некоторым нравится мелкое воровство... Если захочешь, ничего страшного.

Цю Ибо, слушая, поднял бровь. Он ловко вытащил нефритовый кулон. Цю Ланьхэ посмотрел на него, затем на свой пояс, и рассмеялся:

- Ну как, повеселел?

Цю Ибо вернул кулон:

- Не ощутил особого удовольствия.

- Может, отправить тебя на северную границу? - предложил Цю Ланьхэ.

- ?

- Каждую зиму там появляются мародеры. Обычная охота тебе скучна, а там можно поохотиться на них.

Он имел в виду не на зверей, а на грабителей-кочевников, которые зимой совершали набеги на границы Чжумин, уводя женщин, детей, скот и зерно, а мужчин убивая.

Каждую зиму множество храбрецов гибли на границе. Кочевники с детства учились верховой езде и стрельбе, а солдаты Чжумин были простолюдинами и уступали им в мастерстве. Головы погибших воинов кочевники приносили своим вождям как трофеи.

Цю Ибо задумался. Убийство не доставляло ему удовольствия, скорее отвращало.

- Как-нибудь в другой раз.

Цю Ланьхэ помолчал:

- Хорошо. Если через год все останется по-прежнему, обсудим снова.

Цю Ибо кивнул. Цю Ланьхэ вздохнул про себя - ни то ни се, как же ему помочь?

У Цю Ланьхэ появился новый повар, мастер по выпечке. Цю Ибо, оценив его кулинарию, заказал несколько порций и раздал коллегам в Дафысы. Раздав угощения, он спросил:

- А где Ван и Чжао? Почему нет на службе?

Стражи, в основном из простых семей, редко могли позволить себе такие деликатесы. Получив угощение, они обрадовались. Один из соседей отсутствующих ответил:

- Ван заболел, взял отгул.

- Зимой легко простудиться. Ничего серьезного?

- Говорят, лихорадка. Чжао тоже слег, жена говорит, с кровати встать не может.

- Старость - не радость!

Цю Ибо показал на коробку с угощениями:

- Шестой, передай им.

- Будет сделано, господин Цю! - Чжан Шестой почесал щеку.

Цю Ибо заметил:

- Комары покусали? У меня есть мазь...

- Зимой комары?! - засмеялся Чжан. - Не стоит тратить вашу мазь.

Завязался разговор о свадьбах, сборах на подарки, успехах детей в учебе... Цю Ибо слушал, и настроение его улучшалось.

Когда речь зашла о вечерней выпивке, кто-то указал на Чжана:

- Шестой, все же возьми мазь у господина Цю. Насекомые тебя здорово покусали - уже волдыри!

- А? - Чжан потрогал лицо и обнаружил пузырьки. Он почесался, разодрав два, и с виноватым видом посмотрел на Цю Ибо. Тот уже протянул мазь, а один из стражников начал мазать.

- Ого, как быстро появляются! - весело заметил стражник.

- Давай быстрее! - заворчал Чжан. - Ужасно чешется!

Все рассмеялись. Стражник ткнул в волдырь:

- Мягкие... Эй, да их становится больше!

Чжан хотел ответить, но его перехватил кашель.

Когда он откашлялся, в зале воцарилась тишина.

Все смотрели на него.

- Шестой, - осторожно спросил один. - Ты ничего... подозрительного не трогал?

- Нет! Кому охота связываться с мертвецами перед праздником? - Чжан снова почесался. - Что-то чешется все сильнее... Ты мажешь?

Никто не ответил. Даже Цю Ибо молчал.

- Вы что, онемели? - удивился Чжан.

Он не видел, что его лицо покрылось пузырьками, распухло.

- Оспа.

Это слово пронеслось в головах присутствующих.

- Шестой, ты болел оспой?

- Нет, - Чжан вдруг замолчал, осознав неладное.

Его глаза расширились. Он потрогал лицо, шею - везде зудящие волдыри. Закатал рукав - руки тоже в пузырях.

Чжан сидел в оцепенении, затем оторвал кусок ткани и прикрыл рот:

- Не подходите...

Цю Ибо быстро среагировал:

- Чжан Шестой, иди в караулку и закройся. Все, закройте лица! Закройте Дафысы, никого не выпускать! Уведомить помощника судьи, вызвать дворцовых врачей!

(Примечание: для соблюдения объема и стиля некоторые диалоги и описания были слегка сокращены, но ключевые моменты и эмоциональные нюансы сохранены. Имена и термины строго соответствуют списку.)